

О детстве и всегда мне милой стороне!
 Не жить мечтательно в той славной стороне,
 Где древле пел Боян, где ныне песни громки
 Державин предаст щастливее в потомки!¹

Сравнение Державина, если и не с Бояном, то с автором „Слова о полку Игореве“, находим мы и у А. С. Шишкова.²

Вряд ли авторы приведенных выше аналогий подразумевали какую-либо общность идей или стиля двух столь отдаленных друг от друга поэтов, вряд ли они стремились уподобить, скажем, гражданский пафос поэзии Державина героическому характеру древнерусской поэзии, хотя некоторые основания для такого рода уподобления несомненно существовали. Скорее всего и авторы из „Русского вестника“, и Александр Палицын, и Шишков стремились подчеркнуть в своих сравнениях огромное значение славы Бояна, с одной стороны, и Державина, с другой, а отнюдь не указать на сходство их поэтических систем.

Как бы то ни было, приведенные выше сравнения ценны для нас главным образом как свидетельство повышенного внимания современников Державина к древнерусской поэзии, ее темам, ее изобразительным средствам.

Количество примеров, свидетельствующих о большом интересе к „Слову о полку Игореве“ среди современников Державина, в том числе и лиц, принадлежавших к близкому окружению знаменитого поэта, можно было бы значительно увеличить. Однако это не входит в нашу задачу, и поэтому мы ограничимся здесь лишь упоминанием двух имен — А. Н. Оленина и В. В. Капниста, имен, с которыми Г. Р. Державин в своей поэтической деятельности был тесно связан на протяжении длительного времени и об интересе которых к древнейшему памятнику русской поэзии уже говорилось в одной из наших статей (в девятом томе „Трудов ОДРЛ“).

„Слово о полку Игореве“ привлекало к себе внимание и самого Державина. В литературе, посвященной древней поэме, уже отмечались несколько кратких высказываний о ней Державина, заключенных в его „Рассуждении о лирической поэзии“ (1811—1816), равно как и вызванные этим „Рассуждением“ замечания о „Слове“ митрополита Евгения Болховитинова.³

Настоящее сообщение ставит перед собой задачу определить отношение Державина к „Слову о полку Игореве“ не только по его высказываниям, но также и на примерах творчества поэта.

Державин познакомился со „Словом о полку Игореве“, вероятно, сразу же после его издания. Не исключена возможность, что оно было известно ему и ранее, в списке или даже в подлинной рукописи, которая, как известно, была в руках Н. М. Карамзина и ряда других знакомых А. И. Мусина-Пушкина. Точная дата ознакомления Державина с древней поэмой нас мало интересует, так как любое решение этого вопроса не меняет того факта, что поэт познакомился со „Словом о полку Игореве“ в период полной своей творческой зрелости, — почти на исходе своей жизни. Само собой разумеется, что эстетические принципы, на которых был воспитан Державин, имели очень мало общего

¹ Вестник Европы, 1809, ч. 47, стр. 200 (стихотворение „Гавриилу Романовичу Державину“).

² Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе. СПб., 1824, ч. VI, стр. 22.

³ Слово о полку Игореве. Библиографический указатель, под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1940, стр. 16, №№ 10, 11 и 12.